

Денис Казаков

Ничего не мог с собой поделатъ

– Вы не против, если я закурю? ... спасибо – человек достал мятую пачку Winston Light, вынул дрожащими пальцами сигарету и закурил. Положив зажигалку на стол он глубоко затянулся и посмотрел в потолок. Сложив губы трубочкой человек выдохнул порцию густого дыма в верх и извивающиеся серые нити обволокли свисающую с потолка лампу.

– В тот день я должен был заплатить за городской телефон – сказал он и посмотрел перед собой – я добрался на автобусе в центр Владивостока, на Лазо 2, где переговорный пункт – человек затянулся, закашлял и посмотрел на сигарету – я вышел из автобуса раньше на одну остановку. Я хотел пройтись; погода была нормальная. Во всяком случае для осени, ведь сейчас уже ноябрь – он посмотрел на того кто сидел напротив него как будто ища поддержки – ну, впрочем, было довольно тепло. Я шел не спеша и думал о всяком, о работе, о жене ... ну знаете о наших с ней отношениях. Хотя они в последнее время были не очень, да и вы можете ее сами спросить – он посмотрел на свои руки и затушил сигарету – интересно почему она не пришла ко мне, уже прошло два дня как я здесь. А ведь я просил инспектора позвонить домой, чтобы предупредить ее? – Человек задумался, и взгляд направился в пустоту – знаете, она у меня красавица, и я всегда боялся и боюсь, что она потеряет свою красоту – от старения или несчастного случая неважно, понимаете? – Повисла пауза – Из-за этого у меня бывают нервные срывы, особенно когда я начинаю постоянно думать об этом.

Человек поерзал на стуле и усевшись по удобней стал рассматривать свои руки. Из пепельницы вился тоненький дымок не затушенной сигареты. Человек шелестел руками и о чем то усиленно думал. Он был невысокого роста поэтому компактно помещался на стуле, немного полный но не толстый с короткой прической и в старом пиджаке с заплатками на локтях.

– Когда я шел – продолжил маленький человек, – я увидел девушку, я знаете ли всегда обращаю на них внимание. Только совсем не то о чем вы наверное думаете – он опять стал доставать сигарету – я сравниваю... сравниваю их со своей женой, понимаете? – тот кто сидел напротив кивнул – я примечаю не красивей ли они и знаете ни разу не увидел такую которая бы понравилась мне больше чем моя Лена – он потер глаза из-за попавшего в них дыма. – Так вот я увидел девушку – она стояла на тротуаре около перил и смотрела на дорогу, я стал приближаться и она повернулась ко мне. Ой, вы знаете – человек поморщился – это ужас, я так хотел посмотреть на нее и сравнить с Леной, но то что я увидел... С виду она была ничего и фигура и волосы. Но лицо, когда она его повернула – это кошмар – он затянулся. Выпустив дым он продолжил – представьте себе лицо которое все в прыщах, ни одного живого места, нос какой-то крючковатый да к тому же кривой; губы как у негра, а нижняя отвисает почти к подбородку. И, это совсем омерзительно – по этой отвисшей губе стекает слюна,

такая белая и пенистая как у собаки. Наверняка она была больна бешенством, – человек на секунду оживился – да ее покусали собаки, точно, наверное так и было – он плюнул в пепельницу и кашлянул, – если честно, я чуть не блеванул, до того мне было противно и я прошел мимо нее отвернув голову. Потом когда я прошел метров десять, я обернулся и посмотрел назад – она стояла там же и смотрела на меня. Что-то было не хорошее в ее взгляде, как будто я был в чем-то виноват – человек посмотрел напротив – она была похожа на мою мать. Да, да ведь тогда я пытался себе объяснить: почему она мне кого-то напоминает, что-то знакомое было в ней. Вот до чего может довести человека нервный срыв – он затушил сигарету и полез за новой. Тот, кто сидел напротив, что-то записал в блокнот и пригладил волосы.

– Вы знаете какая была у меня мать? – Продолжил маленький человек – нет, она была хорошей матерью, но некрасивая, даже страшная. Я конечно понимаю, что нельзя говорить так о своей матери, тем более я очень любил ее. Поэтому я думаю, что должен быть честным в своих словах – это важно. Она очень хорошо относилась ко мне, и я в ней души не чаял, и мне не важно было как она выглядит. Отца у меня не было потому что мать родила меня, когда у нее даже не было дружка, и я понимаю почему, да из-за ее внешности. Мы жили тогда на Эгершельде, в гостинке на Морозова там ее все знали потому что она там родилась и выросла, в семье портового рабочего. Этот рабочий был моим дедом. Его звали Егор и все что я знаю о нем, так это то что он был беспробудным пьяницей. Моя мать видимо натерпелась от него в свое время, поэтому всегда оберегала меня от этого и следила за тем с кем я общаюсь и вожу дружбу. Бабушка всю свою короткую жизнь тяжело болела: у нее был рак кишечника и несколько лет она мучилась лежа в кровати. Мама говорила, что несмотря на то что денег у них в семье не было бабушка продержалась очень долго, хотя это время навряд ли можно назвать счастливым, ведь даже купить самого дешевого лекарства что бы облегчить ее страдания они не могли. Дед, когда бабушка совсем слегла, можно сказать совсем бросил дом и появлялся только изредка, чтобы переночевать. Конечно, он зарабатывал неплохо: дед был неплохим сварщиком, но только почти все деньги он спускал в портовом кабаке с дружками, такими же как и он сам. Моя мать тогда конечно работала, она всегда работала, с самого детства. В швейном цеху. И когда появился я, она продолжала там работать. Я помню маленьким прибежал к ней, чтобы спросить во сколько она придет домой, да взять немного денег чтобы приготовить поесть. Да, я с тех пор как помню себя всегда умел готовить, наверное мать меня научила этому из-за необходимости. Потому что когда я спрашивал ее когда она придет, то она отвечала почти всегда, что скорей всего поздно. И я знал, она придет очень уставшей. Я вставал с кровати когда открывалась дверь, и усевшись на стул смотрел как она ест. Я ничего ей не говорил и не спрашивал, потому что знал у нее нет сил даже на разговоры со мной; ей надо скорей поесть и ложиться спать. Закончив мать вставала из-за стола, целовала меня в лоб (и это было всегда, как ритуал) и шла спать. Я убирал за ней, мыл посуду, потом тушил лампу и ложился

рядом прижимаясь к ней. У нас была одна кровать, вернее матрац в углу комнаты и то который остался после смерти бабушки. – Человек умолк. В комнате стало тихо. Сидящий напротив тоже молчал и ждал.

– Да мы жили бедно – вздохнув сказал человек и опять закурил – и мать моя была дурнушкой, может быть поэтому ей и не удалось вырваться из трущоб как некоторым красоткам которые жили рядом. У нее даже кавалера никогда не было. Вы спросите откуда тогда появился я? Ха, смешной вопрос. Может она была доступной девушкой, но все же человеком, понимаете? У нее ведь тоже была душа, желания, она тоже хотела любить. А может она очень хотела ребенка. Мать всегда любила детей, не только меня, всех! – Он вскинул голову, – а иногда – человек навалился на стол вытянув голову к собеседнику, – я ненавидел ее. Я ненавидел ее за то что она такая, я понимал, в этом нет ее вины, но все равно ненавидел ее, и ненавидел себя. Даже когда я лежал прижавшись к ней я бывало, ненавидел ее и тихо плакал, потому что не мог ничего с собой поделаться. – Тогда я решил для себя, что моя жена будет красавицей, и дети мои будут гордиться этим как и я – сказал он на одном вздохе и откинулся на спинку стула.

– Потом когда я стал уже взрослым, – успокоившись продолжил он – я всегда избегал некрасивых женщин, я даже боялся говорить с ними. Мне казалось, что из-за памяти к своей матери, из-за чувства вины перед ней, я могу связать жизнь с какой ни будь страшилкой, но мне удалось избежать этого и в однажды я встретил Лену. Она была прекрасна. Удивительная красота была в ней. Я встретил ее в почтовой службе где тогда работал курьером. Зарботок у меня был приличный, и я мог предложить ей себя как достойного мужа. Она пришла на почту как сейчас помню, по поводу какой-то посылки из Омска (там жили ее родители) и предложил ей помощь в решении ее вопроса. Через два месяца мы поженились. Живем мы с ней уже три года. У нас нет детей, пока. Она учиться в торговом институте, и мы решили, что через год когда она закончит его мы заведем детей потому что моей зарплаты пока не хватит что бы обеспечить должный уход за ребенком. – Знаете, я боюсь потерять свою жену. Я боюсь, что она уйдет от меня, хотя она и говорит что любит меня. Но я мне кажется извел ее своей ревностью, и не могу ничего с собой поделаться, так же как не мог ничего с собой поделаться в противоречивых чувствах к матери. Я постоянно боюсь и того, что моя жена потеряет свою красоту. Может она когда состарится, станет уродливой старухой, кривоногой со сморщенными руками. А может и сейчас случиться что ни будь; может она упадет и разобьет свое лицо; может растолстеет и ее тело станет похожим на студень. Да в конце концов какой ни будь псих плеснет в нее кислотой и это вполне может случиться, а я люблю свою жену. И в то же время ненавижу ее за то что с ней может что то случиться. Мне казалось сначала, что именно тогда когда я стал бояться того что ее красота исчезнет, и появились эти нервные расстройства. Но нет, теперь я вижу что это началось когда я стал понимать, что моя мать уродлива. Этим можно объяснить, что в школе я боялся красивых девочек и всегда краснел, когда чувствовал на себе их взгляд и у меня как и у матери не было никогда подружки, но я мечтал о том что,

когда ни будь, она у меня появится. До Лены у меня никого не было, хотя я всегда был недурен собой, но мой зашибленный вид, наверное, отталкивал женщин, поэтому я никогда не пользовался успехом у них. Но Лена изменила все. Я понял, что мечта сбылась. У меня была женщина, красивая как ангел и она была моя. Я с трепетом относился к ней, ухаживал, выполнял все капризы и наслаждался тем, что могу это делать.

Потом появился страх. Ревность. Мы стали постоянно сориться, потому что я не могу ничего с собой поделаться. А в эту субботу вечером она сказала что, если это не прекратиться, то она уйдет от меня и я испугался. Я плакал, падал на колени перед ней, просил прощения, умолял не бросать меня. Я обещал, что никогда больше не буду ревновать, не буду доставать ее тем, что она не следит за своим лицом и своими испугами по поводу каждой морщинки. Я даже выкинул в мусор все рекламные проспекты лечебных кремов, которых набралось четыре огромных пакета для мусора. Я поклялся, но знаю точно, что все равно не смогу ничего с собой поделаться и поэтому боюсь еще больше. В воскресенье, то есть позавчера утром, Лена сказала что простила меня и попросила сходить город заплатить за телефон.

Я шел и не чувствовал ног, ведь она не ушла, а значит все таки любит меня, и я все сделаю что бы больше не расстраивать ее, я постараюсь, хотя это будет не легко.

Человек замолчал. Было видно что он встревожен.

– И все таки почему она не пришла – он посмотрел на того кто сидел на против испуганными глазами – может она все таки бросила меня, но ведь она простила... она... нет она не могла, просто она не знает где я. Скорее всего она сейчас ищет меня. Боже, она наверное с ума сходит ... мне нужно домой понимаете – он посмотрел на своего слушателя будто надеялся, что тот разрешит ему встать и уйти.

– Все в порядке Борис – сказал собеседник. Его голос был мягкий и ровный, но в нем не было ни тепла ни участия, – ваша жена знает, что вы здесь так что не беспокойтесь. Продолжайте.

– Да? Почему же она пришла ко мне?

– Зачем. Ей сказали что вы здесь не надолго.

– Спасибо – сказал Борис и в его голосе чувствовалось облегчение – поймите меня, я переживаю, – собеседник кивнул. Борис достал сигарету и чиркнул зажигалкой – когда я увидел эту кикимору, то я почувствовал глубокое отвращение. Ведь я только что помирился самой красивой женщиной на свете, и тем более это была моя женщина, моя жена, а здесь какая-то уродина омрачает мне эту радость. Потом когда я обернулся, я понял что это моя мать, вернее не она, но сходство было поразительно. Я вдруг понял, что впервые за эти три года вдруг вспомнил о своей матери. И я испугался. Это был испуг и стыд, и отвращение, все вместе. Я повернулся обратно и зашагал прочь. Мое сердце бешено стучало.

«Это моя мать. Она вернулась. Вернулась, что бы ты объяснил ей почему ты это сделал» – говорил чей-то голос, но я не мог узнать его. Этот скрипучий голос настойчиво звучал в моей голове – «Это моя мать. Она вернулась» – и вдруг я осознал, – это был мой голос, только детский. Голос ребенка, которым я был двадцать лет назад. Я шел и слышал шаги моей матери сзади, я знал что она идет за мной, но боялся обернуться. Так судорожно шагая, я дошел до переговорного пункта. Зайдя в стеклянные двери, я все таки обернулся. Но никого не увидел за собой; за мной никто не гнался; не было моей страшной матери и я стал немного успокаиваться. Подойдя к кассе где какая-то молодая девушка принимала оплату за услуги телефона, я уже убедил себя, что это все нервный срыв, да это все из-за наших с Леной сор. Ведь мамы уже давно нет и она не может вдруг воскреснуть, и появится передо мной требуя объяснений того что я когда-то сделал.

Я подал девушке кассиру квитанцию и деньги. И вдруг как только она взяла их кто-то положил руку мне на плечо. Я вздрогнул, внутри меня все похолодело. «Дорогой это же я» – сказала моя мать я медленно повернулся хотя голос внутри меня просил не делать этого, но все же повернулся. Это была та уродина. Она уже не была так похожа на мою мать, но страх все же помутил мой рассудок и я бросился бежать. Забыв про квитанции, деньги и телефон я вылетел из здания и помчался не осознавая куда лишь бы подальше от этой уродливой женщины которая говорит голосом моей матери. «Это же я дорогой куда ты» – звучал у меня в голове голос матери – «постой милый». Свернув в проулок я побежал налетая по пути на мусорные ящики, потом я увидел открытую дверь в какой-то подъезд и забежал туда. Спрятавшись за дверью я прижался к стенке и стоял тяжело дыша, прислушиваясь к каждому шороху.

Потом я услышал шаги. Это была она, я не сомневался в этом. Звук шагов прекратился возле двери, и кто-то осторожно вошел в подъезд. «Боря милый ты здесь» – сказала она и я закрыл глаза. Кожей я чувствовал, что она выходит из-за двери подходит ко мне, я даже уловил ее запах, запах краски, которой красили ткани в швейной мастерской моей матери. От нее всегда пахло этой краской и пахло тогда когда она пришла домой и когда легла спать и когда я лег рядом прижавшись к ней и когда я плакал от ненависти к ней и когда я взял подушку и стал душить ее потому что не мог ничего с собой поделывать. И когда она последний раз дернулась и обмякла она продолжала пахнуть краской для тканей.

И вот сейчас я чувствую этот запах и меня начинает тошнить, я в ужасе открываю глаза и вижу передо мной мою мать: она улыбается, только это не добрая улыбка – это злая ухмылка, что у меня мороз по коже пробежал и передернуло. Я опять закрыл глаза надеясь что этого на самом деле не происходит. Я стоял и не двигался. Страх сковал меня. Я стоял как замороженный и ждал, того о чем, боялся даже подумать. И я опять открыл глаза. Теперь это была уже не мать, а та уродливое существо отдаленно похожее на женщину, которое смотрело на меня каким-то плотоядным взглядом. Она что то сказала, но я не услышал ни звука, в ушах у меня звенело так что казалось голова вот вот лопнет. Потом она стала опускаться передо мной на колени и я с недоумением и

ужасом наблюдал как она протянув руку стала расстегивать ширинку у меня на штанах.

Невероятным усилием вырвавшись из оцепенения, я схватил ее за шею и с воплем вырвавшимся из моей груди, давил и давил, пока не услышал чей-то крик и не потерял сознание.

– Очнулся я здесь в участке. Мне сказали что я совершил убийство, но я то знаю, что это была самооборона. Да, эта тварь просто хотела откусить мне член, понимаете? Эти некрасивые женщины только и думают как отомстить мужчинам за то, что они выбирают себе только красавиц. Когда придет Лена, она поймет меня, поймет что это я сделал потому что люблю ее, люблю красоту ... – Борис затих.

В комнату нарушив тишину со скрипом открылась дверь. Кто-то по имени позвал того кто сидел на против маленького человека:

– Доктор Брешнец, можно вас? – доктор поднялся и вышел захлопнув дверь.

К нему подошел человек в форме капитана милиции в компании двух людей одетых в черные костюмы.

– Позвольте представить вам доктора психиатрии господина Брешнеца – сказал капитан своим спутникам положив руку на плече доктора – его перевели на прошлой недели из Находки – он выпрямился – прекрасный специалист – затем он обратился к доктору – ну, что вы можете сказать по этому поводу, вы говорили с ним?

– Да – задумчиво ответил Брешнец пожимая руки черным костюмам, – а где его жена?

– В морге – сказал капитан – через час начнут делать вскрытие, хотите осмотреть тело?

– Да хотелось бы взглянуть – кивнул доктор – нужно кое-что уточнить.

– Да что там уточнять – покачал головой капитан – этот псих просто задушил свою жену – сказал он и повернулся к своим спутникам – дело то простое, он сознался сразу.

– А почему вы ему не сказали что это была его жена? – спросил Брешнец.

– Почему? – капитан понял брови – мы говорили ему «Ты убил свою жену предурок!» – проскрипел он гримасничая, – а он все заладил, что убил свою мать, «Опять убил», говорил он «Опять я убил свою мать», скулит и не понимает что ему говорят, короче псих конченный.

– Понятно – тихо сказал доктор, – если вы не против я пойду осмотрю тело пока не начали вскрытие – и Брешнец не спеша направился в морг.

– Обычный случай – сказал капитан – вон за той дверью мой кабинет, прошу вас.

Брешнец шел по коридору и думал: что человек убивший двух людей и не понимая этого будет радоваться что дважды убил одного. «В чем смысл?» –

спросил он себя и понял, что не может понять его. Вдруг зашумело в голове, будто стая птиц пронеслась над ним, а потом пришла боль тупая и ноющая – «К черту смысл! В том то и смысл что это все бессмысленно!» – раздался крик в его голове, он схватился за голову руками закрыв уши, и прижался спиной к стене. А ведь и так думала и его жена, о которой он сейчас невольно вспомнил и испытал вновь этот ужас.

Шум прекратился и Брешнец потянув галстук ослабил узел. Ему стало жарко и трудно дышать – «Скорее на воздух! Боже как жарко!» – он расстегнул верхние пуговицы на рубашке и выбежал на улицу. Свежий ветер ударил ему в лицо, и он улыбнувшись стал глубоко вдыхать его. «Она не давала мне свежего воздуха» – сказал он про себя. Он вспомнил как она повторяла, что все это бессмысленно и он понимал это, и все равно любил ее, **НО ... НЕ МОГ НИЧЕГО С СОБОЙ ПОДЕЛАТЬ.**